

9	0216-2	ОЛЕГ ЧУХОНЦЕВ	«Я вас окликаю»	Часть 1 «Огонь и бабочка»
10	0216-3	ОЛЕГ ЧУХОНЦЕВ	«Я вас окликаю»	Часть 2 «Полёты во сне»

«Я вас окликаю» (Коренблит – Чухонцев)

Часть 2 «Полёты во сне»

1(25). Наше дело табак!	– 1.34
2(26). Мгла в Москве	– 2.48
3(27). Лесной огонь	– 1.54
4(28). Через двор	– 2.33
5(29). Репетиция парада	– 3.03
6(30). Явление дьявола народу	– 2.12
7(31). Духовой оркестр	– 2.32
8(32). Петухи прокукарекали	– 2.00
9(33). Материнское ожидание	– 1.20
10(34). Призрачный дым скитанья	– 2.37
11(35). Осенины	– 1.46
12(36). Наше дело труба!	– 2.06
13(37). Случайный ночлег	– 2.56
14(38). Махаробели*	– 2.03
15(39). Я вас окликаю	– 3.45
16(40). Уход	– 1.14
17(41). Не знаю	– 2.58
18(42). Проходная комната	– 2.03
19(43). Полёты во сне	– 1.52
20(44). Не кончен счет	– 0.55
21(45). Попугай	– 2.02
22(46). Утешение	– 1.22
23(47). Оглянусь	– 1.49
24(48). Право живого	– 1.55

...

*Махаробели – вестник радости (*груз.*)

Общее время звучания – 51.19

Общее время звучания – 1.40.51

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 2 «Полёты во сне»

1. НАШЕ ДЕЛО ТАБАК!

Наше дело табак,
коль из грязи да в князи
вышло столько рубак,
как собак на Кавказе.

Вышло столько хапуг
из холопов да в бары,
аж спохватишься вдруг:
что за иго — татары?

У, татарская Русь,
самодурство да барство!
Я ли спицей сорвусь
с колеса государства?

Ты ль ударишь лицом
в грязь, в повальную слякоть,
дабы перед концом
невозможность оплакать,

друг мой? Время темно
и неисповедимо:
рано ли — все равно,
поздно ли — все едино.

Наше дело табак!
Ну так что же — покурим,
подымим натошак,
посидим, потолкуем,

Друг мой! Жалость не в том,
что надежды хороним.
Лишь бы жечь, а потом —
сгинь хоть дымом холодным.

Или пеплом пади
в холодеющих высях,
только не отплати
малодушьем за вызов.

И над хмурой страной,
над равниной повальной —
промельк жизни иной
вспыхнет в памяти дальней...

2. МГЛА В МОСКВЕ

... А в эти дни горели за Посадам
болота, и стояла мгла в Москве,
и скрип травы, желтевшей самосадам,
был жесток при неслышимой листве.

А со степей казахских и каспийских
шел зной — и было небо как в огне.
Душа болела о родных и близких,
о матери я думал, о жене.

Нет, не любовью, видно, а бедою
выстрадаваем мы свое родство,
а уж потом любовью, но другою,
не сознающей края своего.

Да что об этом! Жизнью и корнями
мы такрослись со всем, что есть кругом,
что кажется, и почва под ногами —
мы сами, только в образе другом.

Я вижу те места... Теперь там пусто.
 Поселок брошен, а погост сгорел,
 Могил не стало, и такое чувство,
 как будто я вдвойне осиротел.

И где моя судьба в судьбе народной,
 и что со мною станется и с ней —
 не разберешь: так едок дым болотный!
 Земля горит на родине моей...

3. ЛЕСНОЙ ОГОНЬ

Еще темны леса, еще тенисты кроны,
 еще не подступил октябрь к календарю,
 но если красен клен, а лес стоит зеленый,
 — Гори, лесной огонь! — я говорю.

А он, лесной огонь, до срока затаится,
 он в рощу убежит, чтоб схоронить пожар,
 но если красен клен — и роща загорится
 и засвистит, как тульский самовар.

Гори, лесной огонь, багровый, рыжий, алый,
 свисти в свое дупло тоской берестяной.
 Не надо ничего — ни денег мне, ни славы,
 покуда ты горишь передо мной.

У нас одна душа в сквозном и скудном мире,
 и дом у нас один — ни крыши, ни угла,
 Гори, лесной огонь, лети на все четыре
 и падай на спаленные крыла!

4. ЧЕРЕЗ ДВОР

Как медленно падает лифт.
 Как сердце стучит односложно.
 И выдох так долог, и гулок
 тупик, сжатый мертвым узлом.
 Так мертвенно падает лист,
 что взгляд отвести невозможно,
 и весь Угловой переулок
 повернут под острым углом.

А день так и метит в висок.
 А темь так и дышит в затылок.
 И вертится век, как в воронке
 оплошно застрявший волчок.
 И смотрит легавый глазок
 из подслеповатых Бутырок.
 И зло озирает потемки
 налившийся кровью зрачок.

А мне только свет что окно,
 да больно оно ненадежно.

А мне, как в пословице, хватит
не поле, а двор перейти.
Пусть сбудется все, что должно,
но в первую руку — что должно,
И если нелегкая хватит,
ну что же, на том и прости.

Прости мне, родная страна,
за то, что ты так ненавистна.
Прости мне, родная чужбина,
за то, что прикушен язык.
Покуда подлы времена,
я твой поперечник, отчизна.
И все же — прости, если мимо
пройду, приподняв воротник.

Не прячусь, да ночь холодна.
Не трушу, да время опасно.
Вон ясени, как полудурки,
по осени веют зимой.
А время — во все времена —
опасно и все же — прекрасно.
А ночь в Угловом переулке
такая — ах, Боже ты мой!

5. РЕПЕТИЦИЯ ПАРАДА

Над Кремлевской стеной сыпал снег слюдяной
и кремнисто мерцал на брусчатке.
По кремнистым торцам грохотали войска,
репетируя скорый парад.
Тягачи на катках и орудья в чехлах
проходили в походном порядке.
Я поодаль следил, как на траках катил
многотонный стальной агрегат:
он как ящер ступал, и ходила земля
от его гусеничного хода,
и казалось, народ только часа и ждет,
чтобы чохом отправиться в ад.

О, спектакль даровой, чьей еще головой
ты заплатишь за щедрость народа?
Что стратегам твоим европейский расчет
и лишенный раздолья размах,
если рвется с цепей на разгулье полей
азиатская наша свобода!
Кто играет тобой, современный разбой?
Неужели один только Страх?
Или мезью веков и холуй, и герой
перемелются в пушечном фарше?
Не на Страшный ли суд все идут и идут
тягачи и орудья в чехлах?

От сарматских времен на один полигон
 громяют колеса на марше.
 Нет ни лиц, ни имен. Где друзья? Где враги?
 С кем ты сам, соглядатай ночной?
 Эка дьявольский труд — все идут и идут
 и проходят все дальше и дальше.
 Вот и рокот пропал в полуночный провал.
 Тишина над Кремлевской стеной.
 Тишина-то!.. Такая нашла тишина!..
 Эхо слышно из Замоскворечья.
 То ли сердце стучит, то ли ветер горчит,
 то ли в воздухе пахнет войной.

Что ж, рассудит затвор затянувшийся спор?
 Нет, что мне до чужого наречья!
 Я люблю свою родину, но только так,
 как безрукий слепой инвалид.
 О родная страна, твоя слава темна!
 Дай хоть слово сказать человечье.
 Видит Бог, до сих пор твой имперский позор
 у варшавских предместий смердит.
 Что ж теперь? Неужели до пражских Градчан
 довлечется хромая громада?
 Что от бранных щедрот до потомства дойдет?
 Неужели один только Стыд?

Ну да что о пустом! Разочтемся потом.
 А пока от Охотного Ряда
 задувает метель, не сутулься впотьмах
 и прохожих гуляк не смущай.
 Век отбился от рук. — Что насупился, друг?
 Все прекрасно, чего еще надо.
 — Ничего, — говорю. Не спеша прикурю. —
 Ничего. — До свиданья. — Прощай!

6. ЯВЛЕНЬЕ ДЬЯВОЛА НАРОДУ

1

Явленье дьявола народу:
 с утра долбил какой-то бур,
 разрыли двор, пустили воду
 и — на полгода перекур!

2

Течет, как говорится, в Лету.
 Вот мухи белые в окно —
 белым-бело. Раскрыл газету —
 И снова он: в глазах темно!

3

Там нефть горит средь океана,
 тут план — и нет ничьей вины.
 Все деятельней панорама

ударных строек сатаны.

4

О ненависть, твои заводы —
за каждой клеткою грудной,
где токарь или царь природы
профит измысливают свой.

5

Воистину не имут сраму.
Вы думаете, хор поет?
Как бы не так — под фонограмму
беззвучно разевают рот.

6

Прощайте, милые, навеки,
приюты ласточек и шук,
текли на север наши реки,
а завтра повернут на юг.

7

У сухопутного причала
в пыли увязли корабли,
здесь море катера качало,
но воды от людей ушли.

8

И солеварнями пустыми
зарывшийся в солончаки,
поселок, как мираж пустыни,
дрейфует в лунные пески...

9

Стоят, как на мосту бараны,
две сверхдержавы у черты.
Ползут горячие барханы
в объятья вечной мерзлоты.

10

Конец ли наступает света,
заря ли новая встает:
летит кровавая комета
и в страхолесье гад ползет.

11

И древнему доверясь Богу,
не ветвь поднявшему, а хлыст,
выходит с бомбой на дорогу
отечественный террорист.

12

Он тверд решимостью суровой,

но занесен незримый меч
и над его рукой, готовой
все разрешить или рассечь.

7. ДУХОВОЙ ОРКЕСТР

Напротив Бутырок играет оркестр духовой.
Отсохла замазка, и стекла дрожат от напора.
Как весело дуть от избытка в трубу иль гобой
и слух напрягать, подчиняясь рукам дирижера!

А свет полосатый под окнами синь и румян.
А в клубе милиции с фикусом каждая кадка.
Как весело бить колотушкой в большой барабан
и в малый стучать на предмет озорства и порядка.

Не все же свистеть или пушку таскать в кобуре,
пора и о духе подумать, о чем-нибудь прочном,
о том, например, как скрипит постовой во дворе
снежком деревенским, о совестном гнете полночном.

Не тяготы давят, а легкая тяжесть одна,
мелодия, что ли, которую на сердце носим?
С ней, может быть, тесен ремень и труба солона,
но небо другое и воздух остер и морозен.

Ах, Горлов тупик, с хрипотцою трубящий рожок,
темна наша будущность, как пугачевская башня!
Темна и случайна. А выдох так чист и высок —
вот-вот оборвется... И весело как-то, и страшно...

8. ПЕТУХИ ПРОКУКАРЕКАЛИ

То ли ведро, то ли льет как из ведра,
Петухи прокукарекали. Пора!
Время делу, хватит дрыхнуть на боку!
Взял бы палицу — да сдвинуть не могу.

Двадцать лет уже я сиднем сижу.
Двадцать лет уже я лежнем лежу.
А еще десять лет мне сидеть,
десять лет мне на дорогу глядеть.

Дело будет, еще рано помирать.
Три дороги мне еще выбирать.
А покамест ни седла, ни коня —
только песни про запас у меня.

Сколько песен у родной стороны —
то ли свадьба, то ли похороны:
гляну вправо — величая поют,
гляну влево — отпевая поют.

Черный бор. Волчья степь. Воля вольная

Ой ты, родина моя! Ой ты;. боль моя!
 Вот гляжу я с покаянною улыбкою:
 не покажутся ль калики за калиткою?

9. МАТЕРИНСКОЕ ОЖИДАНИЕ

Прочёл — и в белом зареве
 обуглился листок:
 — Я жду, как ворон крови,
 домой тебя, сынок.

И вот, с глазами мокрыми,
 по черной целине
 бреду — а ты под окнами
 как свечка обо мне.

Не все в душе опошлено,
 она жива, жива
 стяжаньем Духа Божьего
 и кровного родства.

Из стужи ли, из жара ли,
 из праха из-под ног:
 — Я жду, как ворон крови,
 домой тебя, сынок...

10. ПРИЗРАЧНЫЙ ДЫМ СКИТАНЬЯ

Что там? Босой и сонный, выберусь из постели,
 дверь распахнув, услышу, как на дворе светает:
 это весенний гомон — на лето прилетели,
 это осенний гогот — на зиму улетают.

Круг завершен, и снова боль моя так далека,
 что за седьмою далью кажется снова близкой,
 и на равнине русской так же темна дорога,
 как от стены Китайской и до стены берлинской.

Вот я опять вернулся, а ничего не понял.
 Боль моя, неужели я ничего не значу,
 а как последний олух все позабыл, что помнил,
 то ли смеюсь от горя, то ли от счастья плачу?

Бог мой, какая малость: скрипнула половица,
 крикнул петух с нашеста, шлепнулась оземь капля.
 Это моя удача клювом ко мне стучится,
 это с седьмого неба наземь спустилась цапля.

Вот уже песня в горле высохла, как чернила,
 значит, другая повесть ждет своего сказанья,
 Снова тоска пространства птиц подымает с Нила,
 снова над полем брезжит призрачный дым скитанья...

11. ОСЕНИНЫ

Так дышится легко, так далеко глядится.
что, кажется, вот-вот напишется страница,

О чем? Поди скажи! О том, как безутешно
повернута на юг открытая скворешня?

Или о том, как гром окраинами бродит,
и листопад идет, и молодость проходит?

Что скажешь? Как поймешь? Возьмешь ли грех на душу
нарушить тишину? — И словом не нарушу!

Лишь длинно погляжу на снявшуюся стаю,
как будто этот мир и сам я покидаю.

И оброню перо, и сердцем просветлею,
и — разом подымусь над участью своею.

Я жил. И я ушел. И нет меня в помине.
И тень моя скользит неслышно по равнине.

И так мне высоко, что это ли не чудо —
оборотясь — глядеть с улыбкою оттуда?

12. НАШЕ ДЕЛО ТРУБА!

Я не помнил ни бед, ни обид,
жил как жил — и во зло, и во благо.
Почему же так душу знобит,
как скулит в непогоду дворняга?

Почему на окраине дней
самых ясных и самых свободных
так знобит меня отблеск огней
и гуденье винтов пароходных?

Верно, в пору стоячей воды
равновесия нет и в помине,
и предчувствие близкой беды
открывается в русской равнине.

И присутствие снега и льда
ощущается в зябком дыханьи,
и такая вокруг пустота,
что хоть криком кричи в мирозданье.

Никого... Я один на один
с прозябаньем в осенней природе,
в частоколе берез и осин,
словно пугало на огороде.

Мы срослись. Как река к берегам
примерзает гусиною кожей,

так земля примерзает к ногам
и душа — к пустырям бездорожий.

Видит Бог, наше дело труба!
Так уймись и не требуй огласки.
Пусть как есть торжествует судьба
на исходе недоброй развязки.

И, пытая вечернюю тьму,
я по долгим гудкам парохода,
по сиротскому эху пойму,
что нам стоит тоска и свобода.

13. СЛУЧАЙНЫЙ НОЧЛЕГ

Робея, сама прибежала,
накидку смахнула рывком
и, волосы взбив как попало,
осыпала талым снежком.

А плечи так жарки до дрожи,
так мокро топорщится ворс,
что только ознобом по коже
и страшно, что это всерьез!

Ах, радость моя, успокойся.
К чему наводить марафет?
Присядем. Не бойся, не бойся.
Как зябко! И выключим свет.

О чем ты? Как доводы долги.
Как руки твои холодны.
Не надо, не надо о долге —
мы только любимым должны.

Да ладно, сочтемся со всеми.
Скорей же! — я сам без ума.
Скорей! — и колени в колени,
и сердце у горла, и тьма.

... А там, за тяжелою шторой,
где в соснах стоит Орион,
протяжно торопится скорый,
влача за вагоном вагон.

Он буфером буфер толкает,
динамо-машиной гремит,
стрекочет, стучит, громыхает,
спешит, затихает, скрипит...

А наша с тобою дорога —
навстречу да в две колеи.
Ты плачешь? Прости, ради бога!

Я руки целую твои.

Ты плачешь? Не мучься обманом,
смотри, как счастливо горит
на пальце твоём безымянном
болезненный камень нефрит.

И так хорошо, что мы рядом,
что темен случайный ночлег
и ночь шелестит снегопадом,
и только и свету что снег...

14. МАХАРОБЕЛИ*

Что-то давненько мы не сидели,
в тесном застолье песен не пели.
Где же он скрылся,
где заблудился
радости вестник, Махаробели?

Что-то раненько мы загрустили.
Нет бы пороша выпала — или
утречком рано:
— Вам телеграмма, —
Махаробели, это не ты ли?

Махаробели — это метели
месяц кружили и отлетели,
а по морозцу
вышла к колодцу
ты, моя радость, — Махаробели.

Махаробели — это в апреле
черные дали заголубели,
окна открыли,
стекла помыли —
это ль не праздник, в самом-то деле?

Махаробели — день на закате.
Что вы, вороны, сбились некстати?
Вороны, вы ли
не поделили
жертву живую? Будет вам — нате!

Рухнут завесы, вспыхнут светила.
Ты ли, Надежда, дверь отворила?
Вот же он. Маха... —
и оробели
губы от страха. Тьма обступила.

Махаробели, Махаробели,
петь собирались, да не успели.
Кончено дело!..

Вдруг — просветлело:
Кто это в белом — там, у постели?..

...

*Махаробели – вестник радости (*груз.*)

15. Я ВАС ОКЛИКАЮ

Мы пили когда-то — теперь мы посуду сдаем.
В застольном сидели кругу, упираясь локтями.
Теперь мы трезвее и реже сидим за столом,
где нет уже многих и мы уж не те между нами.

Хлопушка с крапивой цветут на забытых костях.
По вечным маршрутам повыбыли, по неминучим.
Как всех разметало! А мы засиделись в гостях.
Так выйдем на воздух, морозцем подышим колючим!

У нас еще родина с нами и жгучий снежок,
которые как ни секут нас, а век не покинуть.
И есть еще этот язык, круговой посошок,
и кроме желания жить есть, и жажда погибнуть.

Пойдем по Бутырскому валу и влево свернем,
по улице главной дойдем до Тверского бульвара,
где зорко молчит, размышляя о веке своем,
невольник чугунный под сенью свободного дара.

И мы помолчим о своем... А денек серебрист,
и темные липы, морозный пройдя электролиз,
горят белизною, и чудом оставшийся лист
трепещет на ветке, окалиной радужной кроясь.

А правящий класс любил серебристую ель:
когда пролетают по городу черные чайки,
они, как курсанты, цепочкой стоят — и метель,
крутясь и шибая, поземку метет по брусчатке...

Друзья дорогие, да будет вам в мире светло!
Сойдемся на зрелости лет в одиночестве тесном.
Товарищи верные, нас не случайно свело
на поприще гибельном, но как и в юности честном.

Я вас окликаю, хоть нет вас, быть может, нигде,
как юности нашей, теперь пребывающей в нетях.
Так что остается в заносчивой нашей нужде?
Коль выпито все, и посуду сдадим напоследях.

16. УХОД

Уходим — разно или розно.
Уйдем — и не на что пенять.
В конце концов, не так уж поздно
простить, хотя и не понять.

И не понять... И только грустно
 свербит октябрь, и потому —
 яснее даль, темнее русло,
 а выйду — в листьях потону.

О шелест осени прощальный,
 не я в лесу, а лес во мне —
 и плеск речной, и плес песчаный,
 и камни на песчаном дне.

Набит язык, и глаз наметан.
 Любовь моя, тебя ль судить?
 Не то чтоб словом, а намеком
 боюсь тебя разбередить...

17. НЕ ЗНАЮ

Не желудь по крыше, не мышь по стене,
 но кто там крадется по краю?
 — Родная, ты помнишь еще обо мне?
 Не знаю, родимый, не знаю.

— Я в топах сгорел на последней войне,
 но я о тебе вспоминаю
 все чаще и чаще. А ты обо мне?
 — Не знаю, родимый, не знаю.

— Пока надо мною шуршат камыши,
 я Богом тебя заклинаю:
 забудь обо мне! Ты забыла, скажи?
 — Не знаю, родимый, не знаю.

Не знаю, не спрашивай, память худа,
 лопатой ручной отписалось
 твое письмецо, да и то куда,
 теперь-то зачем постучалось?

И бродит слепая свеча по углам,
 по углям, где сестры и братья.
 Забытые здесь и забытые там
 последнего ищут объятья.

И в окнах дрожащих всю ночь напролет,
 и во поле — свет негасимый:
 — Ты помнишь, родная? — неслышно зовет,
 и плачет: — Не знаю, родимый...

18. ПРОХОДНАЯ КОМНАТА

Свет мой поздний — моя проходная,
 дай уснуть на твоей раскладушке,
 где горячей щекой припадаю,
 пропадаю в горячей подушке,
 где за дверью, запарившись к ночи,

спит убитый работой рабочий,
а напротив, скучая без денег,
спит убитый бездельем бездельник.

В малом мире, подверженном буре,
в тесной кухне, где слухи да вздохи,
постигаю на собственной шкуре
неустрой коммунальной эпохи:
есть друзья, а в душе недоволен
одиначеством, может быть, болен;
есть враги, а в душе наболело,
может быть, и вражда надоела.

И однажды наступит расплата,
и тогда, как куска побирухе,
станет совестно доброго взгляда
одинокой и бедной старухи,
и увижу, что нету богатства,
кроме нашего бедного братства,
нету платы иной, кроме хлеба,
нету правды другой, кроме Неба!

19. ПОЛЁТЫ ВО СНЕ

Я не знаю, как ночь коротаю,
хоть убейте, понять не могу:
лишь руками взмахну — и взлетаю,
и летаю — на правом боку.

Бестелесный как ангел небесный,
я над бездной парить не боюсь,
потому я так легок над бездной,
что бессмертен, пока не проснусь.

А проснусь — снег за окнами валит,
я на койке лежу, как лежал.
Котелок мой горяч, да не варит:
неужели я ночью летал?

Если так, значит, чудо возможно,
значит, можно ни свет, ни заря
ощутить, как земля осторожно
убывает в канун января.

Стоит только мозгами раскинуть
и, покуда от сна не восстал,
вскинуть веки и руки раскинуть —
и летишь, как в полночь летал.

20. НЕ КОНЧЕН СЧЕТ

Не холодно, а дует.
Не дует, а скребет.
Какой-то черт колдует,

стучит: приход-расход.

Не голодно, а давит.
Не давит, а свербит.
Какой-то бес картавит,
строчит: расчет-кредит.

Бухгалтер ли дотошный,
учетчик ли чумной
ведет свой счет несложный,
распоряжаясь мной.

И жизнь моя чудная,
пока не кончен счет,
как косточка сквозная,
летает взад-вперед.

21. ПОПУГАЙ

Мой удел невелик. Полагаю,
мне не слышать медовых речей.
Лучше я заведу попугая,
благо стоит он тридцать рублей.

Обучу его разным наукам.
Научу его всяким словам.
На правах человека и друга —
из него человека создам.

Корабли от Земли улетают.
Но вселенская бездна мертва,
если здесь, на Земле, не хватает
дорогого для нас существа.

Друг предаст, а невеста разлюбит,
отойдет торжествующий враг,
и тогда среди ночи разбудит
вдохновенное слово: — Дур-рак!

Что ж, сердись, если можешь сердиться,
да грошовой едой попрекай.
Бог ты мой, да ведь это же птица,
одержимая тварь — попугай!

Близоруко взгляну и увижу:
это он, заведенный с утра,
подарил мне горячую крышу
и четыре холодных угла.

Так кричи над разбуженным бытом,
постигай доброту по складам.
Я тебя, дураля, не выдам.
Я тебя, дурака, не продам.

22. УТЕШЕНИЕ

Пусть те, кого оставил Бог,
цветут и пыжаты в гордыне,
пускай бобы у них как дыни,
где у других — сухой горох;

пускай в кольчугах из наград
бряцают золотом латунным,
пускай в Совете многодумном
на них и шапки не горят;

пускай берут за семерых,
пусть сам-десять гребут лопатой,
пусть не уступят и десятой,
да не осудим их — пусть их!

Но тот, кто тянет на горбу
свою долю — и выносит,
кого косою неправда косит,
а он лишь закусил губу;

кто нищ, бездомен и гоним,
он, прах гребущий по дорогам,
как Иов, не оставлен Богом,
но ревностно возлюблен им.

23. ОГЛЯНУСЬ

Свежим утром, покуда светает
в деревянном и низком краю,
медный колокол медленно мает
безъязыкую службу свою.

Облупилась яичная кладка,
сгнил настил до последней доски.
Посреди мирового порядка
нет тоскливее здешней тоски.

Здесь, у темной стены, у погоста —
оглянусь на грачиный разбой,
на деревья, поднявшие гнезда
в голых сучьях над мутной водой;

на разлив, где, по-волчьему мучась,
сходит рыба с озимых полей,
и на эту ничтожную участь,
нареченную жизнью моей;

оглянусь на пустырь мирозданья,
подымусь над своей же тщетой,
и — внезапно — займется дыханье,
и — язык обожжет немотой.

24. ПРАВО ЖИВОГО

Я сойду на последней странице,
где березы обступят кругом,
где взлетит полуночная птица,
капли с ветки сбивая крылом.

Я войду в край боярской измены,
в ту страну, где секира и мох...
Вы до мозга костей современны,
реставраторы темных эпох.

Где ваш дом? У чужого предела
запрокинется в ров голова.
И лежит безымянное тело.
И в зенит прорастает трава.

Красна девица в черном платочке,
Чем помочь? Не отпишешь пером.
Это, как говорится, цветочки,
то-то ягодки будут потом!

И не слух долетит до столицы,
а глухой человеческий вздох...
Я сойду на последней странице,
где безмолвие глуше, чем мох.

О, история, Дело и Слово,
славословья тебе не к лицу.
Я живу. Это право живого —
имя дать и творцу, и глупцу!